

Роль образа-символа птицы в проблематике произведения «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского

Гусева Е.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: lemuelle@yandex.ru

Статья посвящена роли образа-символа птицы в «Записках из Мертвого дома» — произведении Ф.М. Достоевского о жизни каторжан в Омском остроге. Образ птицы носит в повести символический характер и выражает собой хрупкую мечту арестантов о свободе. Особенно значимым в аспекте ключевого для произведения мотива свободы становится образ орла, неоднократно встречающийся в тексте, в том числе и во вставной главе «Акулькин муж».

Ключевые слова: образ-символ, символика, птица, орел, «Записки из мертвого дома», Ф.М. Достоевский, биография, мотив свободы, свобода внутренняя и внешняя.

Для цитаты: Гусева Е.В. Роль образа-символа птицы в проблематике произведения «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 60–66. DOI:10.17759/langt.2022090407

The Role of the Image-Symbol of a Bird in «Notes from the Dead House» by F.M. Dostoevsky

Elena V. Guseva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
e-mail: lemuelle@yandex.ru

The article is devoted to the role of the image-symbol of a bird in «Notes from the Dead House» by F.M. Dostoevsky — a tragic story of convicts in Omsk prison. The image of a bird is symbolic and mainly expresses the fragile dream of prisoners about freedom. The eagle, which is repeatedly found in the text, in particular in the chapter «Akulka's husband», is especially significant in the aspect of freedom.

Keywords: image-symbol, symbolism, bird, eagle, «Notes from the Dead House», F.M. Dostoevsky, biography, motive of freedom, internal and external freedom.

For citation: Guseva E.V. The Role of the Image-Symbol of a Bird in «Notes from the Dead House» by F.M. Dostoevsky. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 60–66. DOI:10.17759/langt.2022090407 (In Russ.).

«Записки из Мертвого дома» (1860 — 1862 гг.) — первое произведение русской литературы, посвященное страшному каторжному миру. Это одно из самых автобиографичных произведений Ф.М. Достоевского, основанное на трагических событиях его собственной жизни. Содержательную основу «Записок...» составляют личные переживания автора, который провел четыре года в Омском остроге по приговору суда над петрашевцами. В то же время это произведение не документальное, но художественное — наполненное многогранными образами и богатой символикой. Одним из наиболее ярких образов в произведении представляется образ птицы, носящий символический характер и преимущественно выражающий собой хрупкую мечту пленников о свободе.

Символом призрачного, неуловимого счастья выступает в тексте «Записок...» вещая птица «каган», шуточно помянутая в эмоциональной перепалке двух арестантов:

« — Да ты что за птица такая?..

— То и есть, что птица!

— Какая?

— Такая.

— Какая такая?..

Высокий арестант стоял спокойно и величаво. (...) С невыразимым презрением скопил он глаза на своего противника, стараясь, для большей обиды, посмотреть на него как-то через плечо, сверху вниз, как будто он разглядывал букашку, и медленно, внятно произнес: — Каган!..» [5, с. 304].

Каган — это вещая птица, живущая в поднебесье и приносящая счастье лишь тому, кого она сама решила осчастливить. Тем же, «кто видел ее, молчать должно, ибо счастья ему иначе вовек не видать» [6].

О счастье, заключающемся в первую очередь в свободе, мечтают все без исключения арестанты. Потому и птицы, пролетающие над острогом, невольно привлекают их внимание, заставляют задуматься о тех родных, но дальних краях, которые они были вынуждены оставить. Один из монологов автора-повествователя посвящен тому, как он любил работать на берегу Иртыша, потому что «единственно только с него и был виден мир божий, чистая, ясная даль, незаселенные, вольные степи (...). Все для меня было тут дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонном синем небе, и далекая песня киргиза, приносившаяся с киргизского берега. (...) Все это бедно и дико, но свободно. Разглядишь какую-нибудь птицу в синем, прозрачном воздухе и долго, упорно следишь за ее полетом: вон она всполоснулась над водой, вон исчезла в синеве, вон опять показалась чуть мелькающей точкой...» [5, с. 493]. В этом отрывке реальная птица, исчезающая за горизонтом, становится одновременно символом желанной, но недостижимой свободы.

Реалистический и символический пласты объединяет в себе запоминающийся, зримый образ орла из «Записок...». Несчастливая птица попадает в острог раненой, с переломанным крылом. Постепенно орел, подкармливаемый арестантами, набирается сил, и, наконец, его решаются выпустить на волю: «Странное дело: все были почему-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу» [5, с. 512]. Арестанты испытывают радость от того, что смогли даровать орлу то, в чем сами отчаянно нуждались.

Орел — архетипический образ. Издавна пернатые хищники играли важную роль в

мифологии и символике, олицетворяя собою силу, зоркость, жестокость и в то же время благородство. В мифах орлы нередко выступают демиургами, божествами, тотемными предками: *«Орел, орлица, символ небесной (солнечной) силы, огня и бессмертия; одно из наиболее распространенных обожествляемых животных — символов богов и их посланец в мифологиях различных народов мира (...) В библейской метафорике орел служит воплощением божественной любви, силы и мощи, юности и бодрости духа, но также и гордыни»* [7, с. 258-259]. Все эти традиционные орлиные качества — сила, мощь, бодрость и непомерная гордость — подчеркиваются и в повести Ф.М. Достоевского.

Орлу в мифологии часто противопоставляется какая-либо другая сильная фигура животного мира: *«Наряду с сюжетами, где орлу противопоставлена другая мифологическая птица (ворон, иногда гриф и т.п.), достаточно широко распространены и такие мифологические мотивы, в которых орлу противопоставляются другие животные, в особенности нижнего (водного) мира. Чрезвычайно широкое распространение в мифологии и искусстве стран Азии и сопредельных ареалов имеет мотив борьбы орла и змеи»* [7, с. 259]. Своеобразной сниженной параллелью к мотиву подобного поединка в «Записках из Мертвого дома» выступает сцена травли орла собакой: *«Шарик кидался на него с яростью, но, видимо, боялся подступить ближе, что очень потешало арестантов. “Зверь, — говорили они — не дается!”»* [5, с. 511]. Даже будучи раненым и беспомощным физически, орел не смиряется с обстоятельствами, чем завоевывает всеобщее уважение и заслуживает долгую память о себе. Недаром в финале повести уходящий с каторги Горянчиков еще раз невольно вспоминает о бывшем пленнике: *«Накануне самого последнего дня, в сумерки, я обошел в последний раз около пали весь наш острог. Сколько тысяч раз я обошел эти пали во все эти годы! (...) Вот здесь, в этом углу, прожил в плену наш орел...»* [5, с. 556].

Образ орла еще несколько раз появляется в произведении, каждый раз — в связи с ключевым для него мотивом свободы, иллюстрируя собою различные ее грани. Во-первых, говорящую фамилию «Орлов» носит в «Записках...» один из самых сильных и хладнокровных преступников: *«Это был злодей, каких мало, резавший хладнокровно стариков и детей, — человек со страшной силой воли и с гордым сознанием своей силы»* [5, с. 333]. При всей своих резко негативных, отталкивающих, даже ужасающих качествах, этого разбойника, кажется, нельзя было не уважать. Он воплощал собою величие зла, начало Люцифера. *«В нем вы видели одну бесконечную энергию, жажду деятельности, жажду мщения, жажду достичь предположенной цели»* [5, с. 334] — так описывает его Ф.М. Достоевский, и читатели невольно задумываются над тем, что было бы, направь Орлов свои силы не в разрушительное, а в созидательное, мирное русло. Не зная предыстории жизни преступника, мы можем лишь догадываться о том, что привело к деформации его личности. На примере этого яркого и по-своему харизматичного персонажа писатель ставит вопрос о том, является ли зло врожденным, природным качеством человека или же оно возникает вследствие тяжелых жизненных обстоятельств, являясь своеобразным ответом на существующие социальные проблемы, такие как бедность и безработица, родительская жестокость и семейное насилие.

Второй раз образ орла появляется во вставной главе «Акулькин муж» — в имени главной героини. Имя «Акулька» — это «разговорная форма женского канонического имени латинского происхождения “Акилина”, которое переводится как “орлиная”, “орлица”» [8, с. 43]. Вспомнив тематику главы, становится ясно, что возникшая здесь отсылка к орлу

является неслучайной.

О своей бывшей жене, Акульке, рассказывает поздней ночью в госпитале арестант Шишков. Из его страшной, лихорадочной повести мы узнаем, что он сначала регулярно избивал, а затем убил из ревности свою супругу, оклеветанную в девичестве его приятелем Морозовым. Отвечая на вопрос слушателя, застал ли он свою жену с другим, Шишков после некоторого раздумья честно признается: « — *Нет, застать не застал (...). Да уж обидно мне стало очень, люди совсем задразнили...*» [5, с. 484]. Мещанская психология Шишкова не дает ему спокойно наслаждаться счастьем с невинной и поначалу нежно любимой им женой. Людские разговоры больно бьют по его самолюбию, так что он очень скоро превращается из жертвы в тирана. Стоит отметить, что тема нездоровых, созависимых отношений людей для творчества Федора Михайловича является одной из ключевых. Он затронул ее еще в своем дебютном произведении «Бедные люди», в отношении Макара Девушкина и Вареньки Доброселовой [3], а в более поздних повестях и романах данная тематика получила дальнейшее развитие и драматизацию.

Образ Акулины — это образ несправедливо обиженной, оклеветанной девушки, мужественно переносящей все испытания, выпавшие на ее долю. Не унизив себя до доказательств своей невинности и не озлобившись, она сохранила чувство собственного достоинства, оставшись человеком истинно христианской доброты.

Богослов и философ П.А. Флоренский, рассматривая традиции разных народов и стран, писал, что «*имя — тончайшая плоть, посредством которой обьявляется духовная сущность*» [9, с. 30]. Если считать имя человека выражением его внутреннего мира, духовного облика, то Акулину в произведении можно назвать таким же олицетворением свободы, как и орла — в главе «Каторжные животные».

Если птица все же получает в финале желанную волю, то Акулина становится жертвой самодурства мужа, человеческих предрассудков и извращенных представлений о добродетели. Однако сама устремленность героини к внутренней свободе, вопреки обстоятельствам, демонстрирует ее как сильную личность. Ее особая роль в произведении, незаурядное мужество — в противовес слабоволию и жестокосердию супруга — подчеркнуты в самом названии текста, «*Акулькин муж*». Традиционно на Руси было принято называть женщин по мужу, а не наоборот, например, Ивановская жена, Даниловская жена, так что такая нарочитая перестановка в заголовке — «*Акулькин муж*» вместо «*Жены Шишкова*» — весьма показательна.

Вставная глава интересна и как самостоятельный текст, и как кладезь тем и образов для более поздних произведений Ф.М. Достоевского. Так, Акулина является возможным прототипом Катерины Ивановны из романа «Братья Карамазовы». А Филька Морозов, бесшабашный гуляка, оклеветавший ее, — это один из прообразов Дмитрия Карамазова [1]. Изначально кажется, что бессовестный Филька способен на любую подлость, но даже у него есть определенные нравственные принципы, которым он не изменяет. Шишков говорит о нем так: «*И чего-чего он только не делал. Краденного только не принимал. “Я — говорит — не вор, а честный человек”*». [5, с. 480]. Эти слова «рифмуются» со словами Дмитрия Карамазова о том, что он «*все, что угодно: и зверь, и подлец, но не вор, не вор*» [4, с. 536].

Психологическое сходство между персонажами подчеркнуто сразу в нескольких сценах из произведений, близких и тематически, и композиционно. Так, когда Фильку везут сдавать в

солдаты, он видит ославленную им на всю округу Акулину, выскакивает из телеги, просит прощения и кланяется ей в ноги: *«выскочил из телеги, да прямо ей земной поклон (...) И в другой раз в землю ей поклонился»* [5, с. 485]. Аналогично ведет себя Дмитрий Карамазов с Катериной Ивановной: *«поклонился ей в пояс почтительнейшим, проникновеннейшим поклоном»* [4, с. 129]. Примечательно то, что Акулина и Катерина похожим образом реагируют на поклоны. Акулина отвечает Фильке поясным поклоном и словами: *«Прости и ты меня, добрый молодец, а я зла на тебя никакого не знаю»* [5, с. 485]. Затем она признается мужу, что после такого неожиданно благородного поступка Морозова она любит его больше света. Катерина Ивановна, по рассказу самого Дмитрия, ответно кланяется ему до земли (*«не по-институтски, по-русски»*) и с этой минуты страстно влюбляется в него. Таким образом, эпизодические персонажи «Записок...» выступают одними из прототипов для центральных героев «Братьев Карамазовых».

Говоря об образе орла в контексте мотива свободы, можно вспомнить также о том, что «орлом» называют арестанты любимого ими подполковника Г-кова: *«Бывают же такие популярные люди. Смотрел он молодцом, ходил прямо, браво. "Орел!" — говорят, бывало, о нем арестанты»* [5, с. 538]. Подполковника любят, потому что он держится независимо, безо всяких претензий и говорит с арестантами на равных, что они очень ценят. Это хотя бы отчасти приближает их к внешнему, свободному миру, заставляя мысленно выйти из клетки «мертвого дома».

Не всегда птицы в произведении играют роль символов. Подчас они становятся всего лишь примечательной деталью, разнообразящей скучную, доведенную до автоматизма каторжную жизнь. Таковы, например, гуси, которые как-то случайно завелись в остроге и провожали арестантов на работу, чем веселили и их самих, и окрестных жителей. Писатель с грустью отмечает, что арестанты *«с охотою развели бы в остроге множество домашней скотины и птицы. (...) Но этого не позволяли»* [5, с. 506]. Комментируя запрет на разведение животных, Достоевский задается вопросом, не должно ли правосудие быть гуманнее, чтобы исправлять и облагораживать суровый нрав людей, вместо того, чтобы нравственно их калечить.

Более типичны и значимы для произведения символические образы птиц. По мнению К.Г. Юнга, *«символический образ основывается на том, что вмещает в себя общую идею, манифестирует ее, становится ее воплощением...»* [10, с. 75]. Такие образы-идеи рассредоточены по всему тексту повести Достоевского и появляются в целом ряде эпизодов. Например, в сцене общения Горянчикова с дагестанским татаринном Алеем и его братьями: *«Потом с важно-благосклонною, то есть чисто мусульманскою улыбкою (которую я так люблю и именно люблю важность этой улыбки), обратились ко мне и подтвердили, что Иса был божий пророк и что он делал великие чудеса; что он сделал из глины птицу, дунул на нее, и она полетела... и что это и у них в книгах написано»* [5, с. 341]. Подобно этой птице, обретает жизнь и человек. Каким будет его жизненный путь, зависит прежде всего от него самого.

Снисходительно-насмешливо, уменьшительной формой слова «птица» именует автор одного из молодых арестантов, Луку Кузьмича, который любит покуражиться — показать собственное своеволие, впрочем, мнимое: *«Этот Лука Кузьмич был тот самый маленький, тоненький, с востреньким носиком, молоденький арестантик нашей казармы, из хохлов, о*

котором уже как-то и упоминал я. (...) В нем действительно было что-то вострое, заносчивое: "мала **птичка**, да ноготок востер"» [5, с. 383]. Даже «маленькие люди» по-своему рвутся к свободе и подчас воюют за нее еще более яростно, чем те, кому от природы дарован и больший масштаб личности, и большие права.

С лесными птицами сравниваются те отчаянные арестанты, которые рискнули бежать с каторги. «После душевой ямы, после судов, кандалов и палок бродят они по всей своей воле, где захотят, где попривольнее и повольготнее; пьют и едят где что удастся, что бог пошлет, а по ночам мирно засыпают где-нибудь в лесу или в поле, без большой заботы, без тюремной тоски, как **лесные птицы**, прощаясь на ночь с одними звездами небесными, под божьим оком...» [5, с. 487].

Итак, образы-символы птиц вносят большой вклад в понимание центрального для «Записок из Мертвого дома» мотива свободы, способствуя более глубокому осознанию проблематики произведения, в котором человек показан в условиях «*тотальной внешней несвободы (...) в критических, кризисных обстоятельствах, в непростых ситуациях нравственного выбора, а порой и перед лицом смерти*» [2, с. 76]. Право выбора или его отсутствие, борьба с обстоятельствами или с самим собой — таково внутреннее содержание повести.

Литература

1. Альтман М.С. Достоевский. По вехам имен. 1975. Саратов: Издательство Саратовского университета. 280 с.
2. Гусева Е.В. Художественное осмысление свободы личности в творчестве Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова (на примере произведений «Записки из Мертвого дома» и «Остров Сахалин») // Вопросы филологии. № 1, 43. 2013. Институт иностранных языков. С. 75-80.
3. Гусева Е.В., Косилова И.В. Проблема созависимых отношений в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» // Культура и текст. № 2 (37). 2019. Барнаул: ФГБОУ ВО Алтайского гос. пед. университета. С. 14-25.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений в семи томах. Т. 6. 1996. М.: Лексика. 560 с.
5. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Собрание сочинений в семи томах. Т. 1. 1996. М.: Лексика. 560 с.
6. Каган-птица // Боги славян. URL: <http://bogislavyan.ru/kagan-ptitsa> (дата обращения: 12.03.2021).
7. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. Том второй: К-Я. / Главн. ред. С.А. Токарев. 1982. М.: Советская энциклопедия. 720 с.
8. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. Более 3000 имен. Издание шестое, стереотипное. 2000. М.: Русские словари, Астрель. 480 с.
9. Флоренский П.А. Тайны имени. 2007. М.: Мартин, Тверь. 376 с.
10. Юнг К.Г. Красная книга. 2009. М.: Патмос. 406 с.

References

1. Al'tman M.S. Dostoevskii. Po vekham imen. 1975. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 280 s. (In Russ.)

Гусева Е.В.
Роль образа-символа птицы в проблематике
произведения «Записки из Мертвого дома»
Ф.М. Достоевского
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 60–66.

Guseva E.V.
The Role of the Image-Symbol of a Bird in «Notes from
the Dead House» by F.M. Dostoevsky
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 60–66.

2. Guseva E.V. Khudozhestvennoe osmyslenie svobody lichnosti v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i A.P. Chekhova (na primere proizvedenii «Zapiski iz Mertvogo doma» i «Ostrov Sakhalin») // Voprosy filologii. № 1, 43. 2013. Institut inostrannykh yazykov. S. 75-80. (In Russ.)
3. Guseva E.V., Kosilova I.V. Problema sozavisimykh otnoshenii v romane F.M. Dostoevskogo «Bednye lyudi» // Kul'tura i tekst. № 2 (37). 2019. Barnaul: FGBOU VO Altaiskogo gos. ped. universiteta. S. 14-25. (In Russ.)
4. Dostoevskii F.M. Brat'ya Karamazovy // Sobranie sochinenii v semi tomakh. T. 6. 1996. Moscow: Leksika. 560 s. (In Russ.)
5. Dostoevskii F.M. Zapiski iz Mertvogo doma // Sobranie sochinenii v semi tomakh. T. 1. 1996. Moscow: Leksika. 560 s. (In Russ.)
6. Kagan-ptitsa // Bogi slavyan. Available at: <http://bogislavyan.ru/kagan-ptitsa> (Accessed: 12.03.2021). (In Russ.)
7. Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2-kh tomakh. Tom vtoroi: K-Ya. / Glavn. red. S.A. Tokarev. 1982. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 720 s. (In Russ.)
8. Petrovskii N.A. Slovar' russkikh lichnykh imen. Bolee 3000 imen. Izdanie shestoe, stereotipnoe. 2000. Moscow: Russkie slovari, Astrel'. 480 s. (In Russ.)
9. Florenskii P.A. Tainy imeni. 2007. Moscow: Martin, Tver'. 376 s. (In Russ.)
10. Yung K.G. Krasnaya kniga. 2009. Moscow: Patmos. 406 s. (In Russ.)

Информация об авторах

Гусева Елена Викторовна, кандидат филологических наук, кафедра зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: lemuelle@yandex.ru

Information about the authors

Elena V. Guseva, PhD in Philology, Department of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, e-mail: lemuelle@yandex.ru

Получена 01.12.2022
Принята в печать 15.12.2022

Received 01.12.2022
Accepted 15.12.2022